

«Я ВИДЕЛ САМО БЕССМЕРТЬЕ...»

В одной старой волгоградской библиотеке мне случайно попала тонкая потрепанная книжка в обложке из грубой оберточной бумаги. На синем фоне выделялось название: «Стихи о Сталинграде».

Выходные данные указывали, что сборник издан в начале 1944 года Сталинградским книжным издательством тиражом 1500 экземпляров. Этот уникальный поэтический сборник, выпущенный в разрушенном и

сожженном дотла, но не сложенном Сталинграде, теперь стал реликвией.

В сборнике оказалось несколько малоизвестных стихов Александра Яшина, посвященных Волжской военной флотилии. Некоторые из них имели конкретные адреса. Это заинтересовало меня, я обратился к ветеранам флотилии, в музей обороны города, архивы.

Стихи ожили в воспоминаниях фронтовиков.

Фронтная судьба Александра Яшина сложилась так же, как у многих поэтов военного поколения. На фронт ушел добровольцем.

В 1942 году его направили в Сталинград и прикомандировали к газете Волжской военной флотилии «За родную Волгу».

Песня о канонерке

Нет верней морской
наводки.
В сводках пишут день
за днём,
Как фашистов бьют
канлодки,—
Это мы, ребята, бьем.
Ну давай еще снаряд.
«Фрицу» жить недолго.
Постоим за Сталинград,
За родную Волгу.

15 ноября 1942 г.

«Песня о канонерке» заверстана в рассказ о канонерской лодке, которой командовал капитан-лейтенант Кузнецов. По воспоминаниям ветеранов флотилии, это был отважный моряк, хладнокровный в бою. Канонерская лодка под его командованием часто выходила на ударные позиции и вступала в артиллерийскую дуэль с немецкими батареями, выдвинутыми к Волге. Поединки были неравными: лодка на воде, как на ладони. В рассказе, который сопровождается стихами старшего политрука А. Яшина, приведен один эпизод.

Канонерка Кузнецова вела очередной бой с реки, на этот раз с прорвавшимися к берегу Волги танками врага. «...Первого наводчика Ивана Бута трепала малярия. Температура до сорока градусов. Перед глазами после каждого выстрела вспыхивали огненные шары, в висках стучало, бросало то в озноб, то в жар. Но комендор стрелял и стрелял, пока не свалился. Когда потерял сознание, только тогда его отнесли в кубрик».

Нетрудно догадаться: этот эпизод не мог не взволновать поэта. Может быть, с него и началась песня: «Нет верней морской наводки...».

Из поэмы «Город гнева»

Еще чадил разбитый город,
Багровым пологом накрыт,
А люди средь бетонных плит,
Среди деревьев и заборов
Уже устраивали быт.
Из щелей выползали дети,
В садах белели тут и там
Пеленки мокрые, как сети,
раскинутые по кустам.
Спеша закончить

до бомбежки,
Вся до бровей в муке, бела,
У обгоревшего ствола
Месила женщина лепешки
И тут же на костре пекла.
В центре города

полумертвого,
В вихрях зелени и огня,
Борясь с тоской и обидой,
Впадая порой в забытье,
В отчаянной коловерти
Я видел само бессмертье:
Я русскую девушку видел,
Я не забуду ее.
В руках чехомдан маленький,
В ремнях — одеяло

и валенки...
Стоном строку эту выстони.
Страшен девичий взгляд:
Ранены на пристани,
А пристани горят.
Нигде, никогда не забыть.
Даже у гибели на краю,
Как девушка эта шла,
Как девушка эта шла,
Как вскинула, подняла
Голову свою —
Нет, никогда не забыть.
Так люди идут победить
Иль умереть в бою.

Один из ветеранов флотилии, бывший командир минного катера, капитан первого ранга Г. И. Захаров, ныне заместитель директора музея речников, вспоминает:

— В ту суровую осень, когда враг в нескольких местах в городе уже вышел к Волге, к нам на флотилию пришло много добровольцев. Это были молодые рабочие, студенты города. Среди них были девушки: старшекурсницы медицинского института, комсомолки с заводов.

В поэме, написанной А. Яшиным в пылающем городе, героиня

осталась безымянной. Может быть, сейчас, много лет спустя, отыщется та комсомолка, которая вдохновила поэта своим патристическим поступком к созданию чистого, высокого образа «Дочери Сталинграда».

Флаг

Шел бронекатер под огнем
К высотам Сталинграда.
Был перебит флагшток на
нем
Осколками снаряда.
И, развернувшись над

рекой,
Над бурным поворотом,
Упал в пучину флаг

морской —
Так падает, взмахнув рукой,
Боец под пулеметом.
Мелькнула в пене на волне
Полоска голубая,
Мелькнула звездочка над ней
И смеркла, уплывая.
Но снова вспенилась волна:
Бушлат на рубку кинув,
С кормы метнулся старшина
За флагом вслед, в пучину.
Он плыл, скрываясь

с головой,
То волны разбивая...
Свистели пули вокруг него,
Его не задеяв.

С огнем и бурною водой
Он бился зло и долго,
И вновь поднялся флаг

морской
Над катером, над Волгой.
Как тот, что рвет

над Кремлем,
Над всей моей страной.
Мы с этим флагом в бой

идем,
Под ним живем, под ним
умрем,

Под ним стоим стеною.
Флаг трепетал, дымком

повит.
Он звал: назад ни шагу!
Он не запятнан, он
пробит,—
Тем больше чести флагу.

Прочитав это стихотворение в сборнике 1944 года, я подумал, что в его основе, несомненно, был какой-то случай.

Однажды вечером, сидя в подвальной комнате музея обороны, где хранятся уникальные документы, при свете настольной лампы я читал очерки и матросские письма на пожелтевших страницах знакомой уже газеты

«За родную Волгу». И вдруг в номере за 20 октября 1942 года, на первой странице, в подборке фронтовых сообщений увидел небольшую заметку. Привожу ее полностью:

«Старшина Богданов спас знамя корабля.

Катер под командованием мичмана тов. Прокус под огнем противника буксировал поврежденный в бою корабль.

Снарядом противника был сбит флагшток с военно-морским флагом. Увидя это, старшина второй статьи Богданов бросился в воду, под обстрелом достал флаг и установил его на место.

И. Николаев».

На столе лежали стихи поэта и старая от времени газетная страница с этой коротенькой заметкой. Неизвестна судьба старшины второй статьи Богданова, ведь после Сталинграда было еще два с лишним года войны. Но ничто не умирает — ни подвиг, ни строки, запечатлевшие его.

Контр-адмирал

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула
ракета.
Кругом не Волга — море
льда,

И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.
Он был на катере, когда
С налету мина борт пробила
И кто-то вымолил: беда!
Через пробоины забила
В отсеки жирная вода.
Седой, в очках,

контр-адмирал
У щели смотровой стоял.
Когда рвалась броня

стальная,
Он сам хватался за штурвал.
В протоки набивался лед
Сплошной серою громадой,
Он говорил одно: «Вперед!
Нас ждут причалы

Сталинграда...».
Кто на него ни кинет взгляд,
Всем кажется: опять

чернеет.
На нем, как много лет
назад,
И бескозырка, и бушлат,
И за плечами ленты реют.

Под заголовком этого стихотворения — посвящение: «Памяти контр-адмирала Хорошкина, погибшего в сражении под Сталинградом». Имя отважного морского офицера Бориса Владимировича Хорошкина, служившего в русской флоте еще до Октябрьской революции, сначала мне стало известно из мемуаров командующего Волжской военной флотилией Д. Д. Рогачева: «...Ярко проявился в Сталинградской битве боевые качества известного на флоте контр-адмирала Б. В. Хорошкина. В нашей

флотилии он командовал отдельной бригадой траления».

— Борис Владимирович был всесторонне образованным, культурным флотским офицером, — вспоминает капитан первого ранга Н. И. Максимов, встречавшийся с адмиралом Хорошкиным на Черном море. — В его характере были черты, вызывавшие у нас, молодых тогда командиров, желание подражать ему: прямота, высокое сознание долга, нетерпимость к чванству, строгость, которая сочеталась с искренней заботой о людях...

Отряд, которым командовал адмирал Хорошкин на Волге, сопровождал суда между Сталинградом и Астраханью. Противник стремился блокировать реку, отрезать защитников города. По ночам с вражеских самолетов в Волгу на труднопроходимых участках сбрасывались специальные мины с взрывными устройствами, в которых было около тонны взрывчатки. Вражеская авиация производила минирование в таких местах, где не было обходных путей.

Отряд траления должен был обеспечивать безопасность на фарватере. В каждый поход Борис Владимирович водил отряд сам.

Так было и в том походе, который стал для него последним.

На плесе между Черным Яром и селом Никольское скопилось несколько судов с грузами: капитаны опасались идти по непроверенному фарватеру. Образовалась пробка. Адмирал мог послать на разведку любой катер из своего отряда, тем более ему доложили, что накануне на этом участке было снято несколько мин. Борис Владимирович на виду у экипажей пароходов и своего отряда провел катер сам по узкому фарватеру. Опасный участок был почти пройден, и вдруг раздался мощный взрыв. Весь экипаж погиб.

Живет сейчас в Москве на Ленинградском шоссе жена адмирала, Ольга Афанасьевна, старая, но не одинокая женщина: вот и мне сказали ее адрес ветераны флотилии...

В музее строгая тишина. Фотографии, документы, реликвии. И среди них — стихи старшего политрука Волжской военной флотилии Александра Яшина. Стихи, живущие вместе с подвигами, воспетыми в них, хотя давно пожелтели страницы старого сборника и военной газеты. И по-особому начинаешь понимать и чувствовать многозначительную строку поэта: «Я видел само бессмертье...».

Публикацию подготовил
В. ДРОБОТОВ.